

³ Там же, с. 136.

⁴ См.: Werre de Haas M. Aeschylus' Dictyulci. An attempt of reconstruction of a satyric drama. Lugdunum Batavorum (Leiden), 1961, p. 59—60.

⁵ Steffen V. The Net-Haulers of Aeschylus. — The Journal of Juristic Papyrology, 1949, vol. III, p. 119—136.

⁶ Ярхо В. Н. О папирусных фрагментах сатирических драм Эсхила, с. 137.

⁷ Siegmann E. Die neuen Aischylos-Bruchstücke. — "Philologus", 1948, Bd. 97, S. 71—124.

Н. А. ЧИСТЯКОВА

ЭПИГРАММАТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЭСХИЛА (АР VII 255)

Славу Эсхилу в веках упрочила его деятельность драматурга, выдающегося мастера трагического искусства. Для современников Эсхил был разносторонним и плодовитым поэтом, помимо драм они знали его элегии, а в собрании греческих эпиграмм под его именем сохранились две эпиграммы (АР, VII, 255 и X, 110). Первая из них является предметом исследования в данной работе, тогда как вторая либо восходит к Аристофану (Ranae, 1431 ff.), либо принадлежит к апокрифическим апофтегматам самого Эсхила, не являясь эпиграммой в прямом смысле этого слова.

Эпитафия фессалийцам под именем Эсхила представлена в Палатинской антологии, куда она попала из «Венка» (собрания эпиграмм) Мелеагра (I в. до н. э.), а судя по ее окружению, эллинистический поэт и коллекционер мог переписать ее из неизвестного нам более раннего сборника. Включил ее в свою антологию также Максим Плануд, ученый византиец и тонкий ценитель греческой поэзии в конце XIII в. Обстоятельства возникновения этого надгробного стихотворения неизвестны; ясно только, что оно предназначалось для полиандрия, т. е. группового воинского погребения, и было посвящено фессалийцам, погибшим в борьбе за свободу родины. Авторство Эсхила может быть установлено только гипотетически, так как вплоть до IV в. эпиграмматическая поэзия была анонимной. Она более трех веков не находила для себя места среди известных видов поэтического творчества, еще дольше не оформлялась жанром и стала авторской только тогда, когда отделилась от памятника и начала восприниматься как самостоятельное поэтическое произведение.

В первой половине V в. авторских эпиграмм не существовало. Поэтому нам придется либо, следуя за У. Виламовицем, пренебречь многовековой традицией, отвергая данные атрибуции и хронологии,¹ либо, доверяя ей, искать возможности обос-

нования, хотя бы в отношении ко времени Эсхила. Уже в конце прошлого века было установлено, что эпиграфические памятники, датируемые временем греко-персидской войны, и те эпиграммы, которые в книжном предании аттестованы тем же периодом, неоднократно совпадают даже дословно.² Приписываемая Эсхилу эпиграмма не имеет прямого аналога среди мемориальных надписей начала V в. Однако Л. Вебер, анализируя последние, обнаружил несомненное сходство между ними,³ что послужило основанием для В. Песка, крупнейшего современного специалиста по греческой эпиграфике, включить эту эпитафию в свое собрание подлинных надгробных надписей.⁴ Для историков же эта эпиграмма подобна десяткам других, обычно связываемых с именем Симонида Кеосского, старшего современника и соперника Эсхила, представляется живым откликом современника на события начальной поры персидского вторжения в Элладу. По мнению Г. Уейд-Джери, Эсхил сочинил эту эпиграмму по просьбе фессалийцев, которые решили почтить память своих соотечественников, погибших в столкновениях с персами, когда войска Ксеркса проходили через Фессалию.⁵ Текст надписи гласит:

Κυανέη καὶ τοῖσδε μενεγχεῖας ὄλεσε ἄνδρας
Μοῖρα πολέρογγον πατρίδα ῥυομένους.
ἔων δὲ φθιμένων πέλεται κλέος, οἱ ποτε γυίοις
τλήμονες Ὀσσαίαν ἀμφιέσαντο κόνιν.

Черная здесь одолела вонтелей храбрых Судьбина:
Пастбищ родимых оплот, в битве они полегли.
Осса могильной землю героев тела одевает;
Мертвым достался навек славы бессмертный удел.⁶

Подобно симонидовским эпитафиям, связанным с событиями первого периода войны, каждый из обоих дистихов представляет собой не только метрическое, но и смысловое единство, причем внутренняя связь гекзаметра и пентаметра подчеркнута еще смысловым анжамбеманом. По стилю эпитафия несколько отличается от симонидовских, сохраняющих архаическую лапидарность. В первом дистихе, где описывается минувшее событие, сконцентрированы три словосочетания, удивительные тем, что каждое из них больше нигде не встречается. Для *κυανέη* Моῖρα Диль нашел аналогию в *Κῆρες κυανέη* из «Щита» Геснода, пройдя мимо более близких соответствий, представленных в фрагментах тренов Симонида (Hes., Scut., 249; I³, 77, 2D). Мглу ящика-гроба, в котором заточена Даная с младенцем Персеем, Симонид называет *κυανέος ὄλεος* (Simon., Fr. 543, 12, Page), а воду, принявшую тело убитого Орфея, — *κυανέον ὄδωρ* (Simon., Fr., 567, 4, Page). «Мрачным чертогом Персефоны» (Φερσεφόνας *κυανέος θάλαμος*) названа обитель мертвых в эпиграмме AP, VII, 489, приписанной в антологии Сапфо и фразеологически напо-

минающей манеру лесбосской поэтессы.⁷ Близкие в смысловом отношении сочетания обнаруживаются в трагедийных плачах у Эсхила: *στουγερὰ Μοῖρα* — причитает Ксеркс (Pers., 909); *ἰὸ ἰὸ μοῖρα, μοῖρα* — стонут Океаниды (Prom., 694); *ἰὸ μοῖρα βαροδύταιρα μοῖρα* — плачут по погибшим братьям Исмена и Антигона (Sept., 975, 986).

Во втором словосочетании архаичность композитного эпитета *μενεγχεῖας* устанавливается не только из-за его уникальности, но и благодаря смысловой значительности — «противостоящий копыю». К нему близок не менее архаический гапак Анакреонта — *μεγαλυμῆς*.⁸ Оба эти слова представляют рудиментарные формы, заимствованные из древнего поэтического языка, и являются свидетельствами давно утраченной веры в магию произнесенных слов.

В третьем комплексе представлен также композитный эпитет *πολέρογγος*, имеющий аналогию в гомеровском эпосе. Эпитет этот вполне обычен и обязан своим происхождением тому далекому времени, когда скот, преимущественно мелкий, был основным мерилом благосостояния. Составные элементы этой композиты столь же распространены в греческом поэтическом языке; особенно часто встречается *πόλε-*. Но в разбираемой эпитафии говорится об «овнообильной отчизне» — *πολέρογγος πατρίς*, а в «Одиссее» этот же эпитет прилагается к Пелию, мифическому правителю фессалийского Иолка. В обоих случаях эпитет метонимичен: под ним подразумевается вся Фессалия, которая еще в V в. являлась областью того ареала, в котором наиболее прочно сохранялось поэтическое искусство древнейших, микенских, времен.⁹ Отсюда вполне возможно предположить, что сочетания существительного с эпитетом *πολέρογγος* у Гомера и Эсхила имеют один общий источник. Рассмотрим метрическую структуру их обоих.

В эпитафии эпитет и определяемое им слово помещены рядом и разделены только ритмически — диерезой.

В «Одиссее» существительное, в данном случае имя собственное, и прилагательное находятся в соседних гексаметрах, отделенные друг от друга группой слов:

Ст. 256 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 1 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 2 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 3—4
ἀνφοτέρω. Πελίης μὲν ἐν εὐρυγύρω Ἰαθλάῳ

Ст. 257 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 1 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 2 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 3 $\overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}} \overline{\text{—}}$ 4
ναῖε πολέρογγος, ὃ δ' ἀρ' ἐν Πύλῳ ἤραθόεντι

В конце первого из приведенных гексаметров группа из двух слов с предлогом *ἐν* полностью заполняет и объединяет два его последних колона, составляя то ритмико-синтаксическое единство, которое характерно для архаических поэтических фор-

мул.¹⁰ Иначе выглядит заключение второго гексамetra, хотя оно заполнено формально той же самой группой и с тем же самым предлогом. В этой же книге «Одиссеей» эта группа повторяется еще один раз (ст. 459); с предлогом $\epsilon\acute{\iota}$ она же встречается только в «Одиссее» еще три раза, причем по своей метрической структуре (—○○—○○—) обе группы независимо от предлогов абсолютно тождественны (см. I, 93; II, 214, 359). Как в разбираемом гексаметре, так и во всех четырех остальных стихах эта группа начинается после диерезы третьей стопы, составляет три последних стопы гексамetra, но не заполняет всего третьего колона. Так как в «Одиссее» число формул значительно меньше, чем в «Илиаде», возникает предположение о том, что сочетание Πύλο ἤραθ' ἔβεντι, возможно, восходит к какой-то неизвестной пока формуле, представленной в очень трансформированном виде. Следы первоначального возникновения этой формулы следует прежде всего поискать в «Илиаде», где эпические формулы более распространены и более консервативны. Там действительно три раза встречается группа Πύλο ἤραθ' ἔβεντος в родительном падеже без всякого предлога. Эта группа полностью входит в четвертый колон с метрической структурой ○○—○○— и представляет собой типичную формулу, нерасчленимую в ритмико-смысловом отношении (IX, 153, 295; XI, 712).

Вернемся же к эпитету πολύρρητος, который во втором из разбираемых нами гексаметров заполняет второй колон, лишен определяемого слова при себе, его метрическая схема ○—○—. Если бы перед ним стояло метрически и семантически пригодное существительное, то в сочетании с ним могла бы возникнуть формула, занимающая два первых колона гексамetra. Этот же самый эпитет, имеющий при себе в эсхилловской эпитафии слово πατήρ, подсказывает направление поисков. Но ни πατήρ, ни его синоним πάτηρ (πάτρα), подходящие в смысловом отношении, метрически неудовлетворительны. Однако в «Одиссее» слово πατήρ встречается неоднократно в сочетаниях с αἶα и γαῖα, причем функционально оно оказывается в роли определения (X, 23; XX, 133; XXIV, 322). Оба же этих существительных — αἶα и γαῖα — в сочетании с эпитетом πολύρρητος образуют ту самую искомую формулу, которая, отвечая всем требованиям, так хорошо укладывается в первые два колона гексамetra. По аналогии с γαῖα или же αἶα πολύρρητος могла возникнуть новая группа πολύρρητον πατρίδα, по своей метрической структуре очень удобная для пентаметра.

Во втором гексаметре (ст. 257) из «Одиссеей», где в конце стиха неожиданно обнаружилась архаическая формула, трансформированная по аналогии с предшествующим гексаметром, в начале также можно предположить некогда реальную формулу, затем почти полностью разрушенную. К этой же самой формуле, но также подвергшейся изменению, восходит в свою

очередь сочетание πολύρρητον πατρίδα из эсхилловской эпитафии. Но где могла реально существовать воскрешенная нами формула γαῖα πολύρρητος? Фессалийская тематика данных стихов «Одиссеей» и разбираемой эпитафии снимает всякие недоумения. Прецедент был возможен в языке того поэтического искусства догомеровского периода, которое уходило своими корнями в устное народное творчество микенской Греции. Вероятно, в Фессалии, скорее всего в ее обрядово-ритуальной поэзии, сохранялись те элементы поэтической речи, которые уже подверглись разрушению в «Одиссее».

Сочиненная для фессалийцев эпитафия, предназначенная для какого-то мемориала на фессалийской земле, вполне могла включить в себя реликты такого поэтического языка, которые в свою очередь могли уцелеть в фессалийской похоронной обрядности.

Итак, все три разобранных словосочетания первого дистиха эпитафии восходят к песенной поэзии, вероятнее всего к тренодической, отсюда их уникальность. Искусство хорических плачей, нашедших свое место в драме, именно Эсхил мог применить в данной эпитафии, сочетая его с ритуальными фессалийскими песнями и сложившейся уже топикой эпитафий.

Целенаправленная необходимость задержать, выделить и конкретизировать прошлое, бывшее поводом для сочинения этой эпитафии, обусловила драматизацию описанных в ней событий. Известно, что действительностью греческой трагедии, в первой половине V в. вступающей в пору своего расцвета, был обычно миф, переосмысленный в условиях современной драматургии жизни афинского общества. Действительностью же надписи было реальное недавнее прошлое, которое предстояло охарактеризовать в настоящем, оценить и утвердить для будущего. Идейная близость трагедии и эпитафии бесспорна. Какими же средствами утверждается содержание эпитафии?

Прошлое событие (гибель этих людей) нашло достойное место по шкале жизненных ценностей, так как предшествующее событию действие (борьба) было направлено на спасение отчизны. Погибшие еще лишены индивидуальной характеристики, они уподоблены мифическим героям, свершителям подвигов, поэтому их противникам названы не реальные враги, персы, а сама смерть, представшая в древнем облике Мойры — доли, судьбы. Но деятельность фессалийских воинов была настолько реальной и значительной, что для ее характеристики автор прибегнул к причастию настоящего времени ῥόβριζοι. Эта деятельность реализовалась как борьба за отчизну. Архаический же эпитет напоминал о том, что прошлое, настоящее и будущее слились в эпиграмме, образовав единство, утратив временные ограничения и обретя вечность. В конце эпитафии поэт вновь возвращается к своим героям, чтобы уточнить, как же они по-

гибли. Тут рассказ о том, что последовало за их физической смертью (γυίοις ἀήροτες), благодаря целому арсеналу метафор преобразуется в воспроизведение их посмертной деятельности: «они падали на себя (медиальный аорист) прах родной земли». В целях наглядности эта земля конкретизируется как Ὀσσαία κόνις. Слава погибших при защите родины объявляется неподвластной времени, всегда живой — ζῶον... πάλετα κλέος. Это утверждение, которым открывается второй дистих, составляет как бы фокус всей эпиграммы; на него ориентирован первый дистих, хотя грамматически каузально-консекutive отношения между первым дистихом и началом второго не акцентированы, их смысловая внутренняя связь очевидна. Окончание же второго дистиха соотносено с его началом и закреплено синтаксически, метрически и в смысловом отношении. Таким образом, композиция всего стихотворения оказывается для современного читателя несколько неожиданной. Сначала констатируется факт гибели и уточняется былая деятельность, послужившая причиной смерти, далее утверждается бессмертие славы тех, вечным состоянием которых стала смерть. Это трехчастное деление и расположение материала вокруг центра с большей или меньшей идентичностью крайних частей составляют ту самую кольцевую композицию, которая характерна для всего архаического искусства, отражая особенности архаического художественного мышления.¹¹

Теперь уже невозможно ни доказать, ни опровергнуть авторство Эсхила для приписанной ему эпитафии. Несомнен факт ее близости к творческим принципам Эсхила, хотя степень индивидуальности этих принципов не может быть установлена. Но эпитафия, примечательная своей образной осложненностью, по стилю и композиции вполне созвучна искусству ранних трагедий Эсхила и заметно отличается в поэтике от более простых симонидовых эпиграмм. В жизнеописании Эсхила сохранилось свидетельство о его состязании с Симонидом в сочинении элегии павшим при Марафоне и о поражении Эсхила.¹² Впоследствии было предпринято немало попыток обнаружить какие-нибудь следы этих исчезнувших элегий как в книжной традиции, так и в надписях на памятниках времени греко-персидских войн. Поиски, заведомо обреченные на неудачу из-за отсутствия аргументации, сопровождались замечаниями скептиков, которые сомневались в достоверности свидетельства жизнеописания. Вряд ли нужно углубляться в эту полемику.

Каждый текст, причастный к имени Эсхила, уже сам по себе достоин внимания и заслуживает того, чтобы стать объектом разностороннего изучения. Анализируя фессалийскую эпитафию в плане ее исторической достоверности, Г. Уейд-Джери, крупнейший из современных английских историков, сказал: «Я был бы рад сохранить за Эсхилом это прекрасное стихотворение и (его) реальный повод».¹³

Примечания

¹ Wilamowitz-Möllerndorff U. Sappho und Simonides. Berlin, 1913, S. 216.

² См.: Wilhelm A. Simonideische Gedichte. — Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts zu Wien, 1899, Bd. II.

³ Weber L. Steinepigramm und Buchepigramm. — "Hermes", 1917, Bd. LII, S. 547 ff.

⁴ Griechische Vers-Inschriften. Hrsg. v. W. Peek. Bd. I. Grab-Epigramme. Berlin, 1955, N 10.

⁵ Wade-Gery H. T. Classical epigrams and epitaphs. — Journal of Hellenic Studies, 1933, vol. LIII, p. 75.

⁶ Пер. А. Челпанова. См.: Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 43.

⁷ Вероятно, это сочетание представляет собой некую формулу, так как оно неоднократно варьируется в подлинных эпитафиях, причем иногда даже повторяется весь пентаметр: AP, VII, 507в, 508, 945; № 1137, Peek.

⁸ Fr. 97 Gentili. Собственное имя Μέναιχμος является еще одним свидетельством архаичности этого эпитета. См.: Weber L. Anacreontea. Diss. Göttingen, 1892, S. 49, Nachm. 7.

⁹ Kirk G. S. The songs of Homer. 2nd ed. Cambridge, 1962, p. 150—156; Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969, S. 54, 81; Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 135—136.

¹⁰ В процитированных стихах колоны выделены вертикальными линиями и обозначены цифрами. Деление же гексамetra на четыре части — колоны — впервые еще в 1926 г. установил Г. Френкель; статья его «Каллимаховский и гомеровский гексаметр» в переработанном виде вошла в его книгу. См.: Fränkel H. Wege und Formen frühgriechischen Denkens². München, 1960, S. 100—156, а также: Kirk G. S. 1) The structure of the homeric hexameter. — Yale Class. Stud., 1966, vol. XX, p. 76—104; 2) Verse-structure and sentence-structure in Homer. — Ibid., p. 105—152.

¹¹ Otterlo W. A. A. van. Griechische Ringkomposition. — "Meded.", 1944, Bd. VII, 3; Groningen B. A. van. La composition littéraire archaïque grecque. Amsterdam, 1958. — Показательно, что русский переводчик поменял во второй половине эпитафии содержание стихов.

¹² Vita Aesch., § 8 Wilam.

¹³ "I would be glad to keep this fine poem for Aeschylus, and a real occasion" (Wade-Gery H. T. Classical epigrams and epitaphs, p. 75).

